

Аманда Айзпуриете

Аманда Айзпуриете – латышский поэт и переводчик. Живёт в Риге. Училась в Латвийском университете и Литературном институте им. Горького. Член Союза писателей Латвии. Автор десяти поэтических сборников и более десяти книг переводов. Обладатель престижных литературных премий, в том числе премии им. Ояра Вацетиса (Латвия), главной литературной премии года в Латвии – *Literaturas Gadabalva*, поэтической премии Баварской академии искусств (Германия). Стихи Аманды Айзпуриете переведены на 20 языков, сборники её поэзии вышли на немецком, шведском, финском и русском языках. Один из самых интересных переводческих проектов – билингвальный сборник переводов её поэзии на русский язык, книга «Сумерки тебя любят» (составитель и переводчик сборника – Милена Макарова). Как переводчик, А. Айзпуриете переводила на латышский язык поэзию Иосифа Бродского, Анны Ахматовой, Николая Гумилёва, произведения Франца Кафки, Георга Тракля, Джона Апдайка, Вирджинии Вульф.

Милена Макарова

Милена Макарова – поэт, переводчик. Родилась и живёт в Риге. Училась на филологическом и историко-философском факультетах Латвийского университета.

Занималась журналистикой. Автор семи книг – двух поэтических сборников: «Амальгама» и «Новая Мифология» и пяти книг переводов латышской поэзии и прозы. Член Союза писателей Латвии, Союза российских писателей, Балтийской гильдии поэтов, Латвийского Пен-клуба. Лауреат поэтических конкурсов Союза писателей Латвии и посольства России. Стихи и переводы публиковались во многих литературных изданиях Латвии, Эстонии, России, Украины, Германии, Израиля, Австралии. Один из модераторов международного поэтического фестиваля «Балтийская строфа» (Латвия).

* * *

Пока нас здесь объединяет безысходность,
в синей таверне молодости Пикассо
твоё бессмертное лицо рисует.

Нет, не куплю эту картину!
В дыму цветут кошмары. Ангел
летит наполнить твой стакан абсентом.
А за дверями нереальность будущего.
И шум войны и стены рухнуть норовят.
Но ангел с глиняными крыльями
под маской бархатною прячет взгляд.

Пока объединяет безысходность,
а выходы навек разделят нас,
рисует Пикассо, и у искусства,
и у искусства сердца нет – в который раз.

* * *

Если в мой дом заглянет Муза,
отправлю её в магазин иль на кухню,
чтобы самой посидеть за стихами,
она это знает и не появляется.
Но строчки приходят совсем иначе.
Письменами росы на листьях розы,
стихами заката в небе осеннем,
отпечатками пальцев смерти в зеркале –
совсем по-другому приходит поэзия.

* * *

Вечная мерзлота
над морем детства.
Мы – птицы с крыльями изо льда,
с полыньёй в сердце.

Вьем гнёзда свои из сосуллек,
седые перья топорщим.
И прячемся, когда прилетает
воспоминаний коршун.

* * *

Тяжела как запах роз
эта осень.
В каждом предутреннем сне
я стою на пустынном перроне.
Воробьи дерутся за хлебные крошки,
а поезд всё не идёт.
Моя соседка вдруг поседела.
Старый японец в желтом кимоно
шепчет в сумерках осенний стих
про лунный свет на замёрзших цветах.
У ветра, что бродит ночами вдоль окон —
твоеё лицо.

* * *

Свободная, словно рабыня,
О которой давно позабыл хозяин,
Служу лишь словам и ветру.

Свободна как ветер,
Что не может покинуть землю,
Танцую среди облаков.
Со скованными щиколотками,
В золотых цепях гравитации,
В серебряных украшениях слов.

* * *

Не будем спорить о месте встречи.
Сгодится и римская осень.
И рассвет в Майори.
И облако вулканической пыли.
И кафешка в Старом Городе,
В которой всё так дешево,
Будто за встречу и впрямь не придется платить.

* * *

Остра твоя нежность – словно щека
небритая, в горячке поцелуя.

Темна твоя нежность – как южная ночь,
в которой шлюхи ищут клиента.

Горька твоя нежность – как ром или яд,
опьянение или предчувствие смерти.

* * *

Дым чёрной крысой душит город,
и стены чёрные глаза открыли,
луна как пуговица оловянная
на сковородке неба тихо тает,
и лилии вновь расцветают
в прудах. Такою тёплой
оказалась этой осень.

Осень чумы.

Асфальт гниет и плесневеет голос.

Там двое в нежности друг друга
убежище пытаются найти.

О как же они любят! Им дано
в живых остаться. И у них родится
сын с очень чёрными глазами.

* * *

На окраине Вавилона идёт дождь.

Чужие языки за дождевой остаются завесой.

Красные ручейки струятся по стенам.

Фундаменты размываются.

Наш дом построен из руин башни –

Как у всех на окраине Вавилона.

На твоём языке я понимаю семь слов.

Дождь так же щедр и опасен, как и любовь.

Потоки дождя унесут наш дом

Прочь от руин общего языка.

* * *

Мир по-прежнему играет в Марка Шагала.
У солнечного утра – вкус апельсинового ликёра.
В заросшем саду среди флоксов возлежит Муза.
Лета струится здесь же, за калиткою.

Все слова – это только бабочки,
Что кружатся в дыхании Музы.
Одних ловит трёхлапая пёстрая кошка.
Другие успевают прикоснуться к моей душе.